

В начале этого века мы с Еленой Аркадьевной Цветковой, заведующей библиотекой Комарово, озаботились идеей — понять, что такое феномен Комарово. Место знаменитое, со столькими именами связанное, здесь есть какая-то загадка, которую хочется разгадать...

Мы начали собирать материалы, брать интервью, и в результате образовалась целая экспозиция, под которую в 2005-м году нам дали помещение в нижнем этаже здания Муниципального совета.

Экспозиция выставочного зала

Фрагмент экспозиции музея «Келломяки-Комарово»

Создание музея «Келломяки-Комарово». Начало истории поселка.

Передача вторая

какие-то проблемы с главной властью, и кто приезжал сюда «подышать воздухом финских сво-

телей созывали на работу колоколом, висевшим на сосне, поэтому верх большого холма, который

лет после основания Петербурга.

И с самого начала у этого места проявляется странная судьба некоего «эха Петербурга»... Достоевский называл Петербург «умышленным городом», то есть возникшим как

материализованная мечта Петра Великого. Петербург был основан на болотах и по плану. То же самое произошло и с Комарово: проезжая по железной дороге, инвесторы увидели террито-

рию, удобную для строительства дач, и параллельно железной дороге проложили улицы, а перпендикулярно к ним — другие. Да еще и на болоте... Словом, это какая-то странная история, с самого начала звучавшая, как рифма столице. И сегодня здесь находятся дача губернатора, дача митрополита, и

бод», как говорили тогда...

Между Териоками (Зеленогорск) и Куоккалой (Репино) находилась территория, где когда-то охотились шведские короли, а в XIX веке это был уже природный заповедник, куда ученые из Хельсинки приезжали изучать флору и фауну. И называлось это местечко Хирвисуо (посиное болото).

Когда в 1870 году здесь прокладывали железную дорогу, строи-

поднимается от Финского залива наверх, стали называть «келломяки» — то есть, колокольная или часовая гора. Название оказалось столь удачным, что закрепилось за полустанком, который возникает здесь, а потом и за станцией, открытой, как гласит предание, в мае 1903 года — то есть, ровно через 200

Замок Арфа архитектора Гавриила Барановского

есть свой некрополь, который, если думать о важности покоящихся там имен, может поспорить с лучшими кладбищами Петербурга.

Итак, благодаря железной дороге эта территория стала доступной, близкая и недорогая за граница привлекала петербуржцев. У Финского залива, как мы помним, два берега: противоположный называли «царским» — там Петродворец и Ораниенбаум, а этот берег, как бы по контрасту, стали называть «кромольным». Здесь стало модно покупать дачи. Помните, в «Дяде Ване» Чехова Серебряков говорит: «Продадим имение, заплатим долги и купим дачу в Финляндии». Этому перемещению с «царского» берега на «кромольный» способствует изменившаяся культурная парадигма. Дело в том, что наступает эпоха модерна со своими приоритетами, мировоззрением и символами.

Помимо всего прочего, это время характеризуется и экономическим кризисом: в Петербурге дорожают квартиры, становится выгодным жить на даче. Появляются так называемые «зимогоры» — люди, которые круглый год живут на даче и оттуда ездят на службу на поезде. Застройка этого берега идет очень быстро, уже к первой мировой войне здесь около 10 000 жителей и более 600 дач.

Покупает здесь дачу и художник Иван Владимиров, который, будучи членом пожарного общества, создал так называемую «пожарную карту» поселка, которую впоследствии нашел в архивах и принес к нам в библиотеку Евгений Балашов, известный исследователь Карельского перешейка. В какой-то степени карта эта послужила для Балашова толчком к созданию, совместно с Еленой Травиной, книги о прошлом этого места в дореволюционный пору.

Финны утверждали, что лучшим зданием Карельского перешейка была дача Гавриила Барановского, знаменитого архитектора модерна — автора Елисейевского магазина и буддийского храма в Петербурге. Он построил здесь замечательную дачу, похожую на замок, и назвал ее «Замок Арфа». Почему? Дело в том, что здание было сделано из дубовых брусков, соединенных болтами, а наверху венчалось конструкциями, которые при сильном ветре с залива начинали «петь»...

Сам Барановский увлекался музыкой, в доме у него был целый концертный зал с оркестровой ямой. Территория дачи была электрифицирована, и ощущение от красоты этого сказочного замка определяло, вообще говоря, атмосферу всего поселка. Недаром, как потом будут говорить финны, побережье напоминает им некое заколдованное царство замков спящих красавиц. И, кроме того: из Библии мы помним о том, что, играя на арфе, Давид укрощал злого духа в Сауле. Не построил ли Барановский некий символ искусства и его назначения?..

Так или иначе, но часто говорят, что, входя на территорию Комарово, люди ощущают влияние некоего таинственного источника: они вдруг обретают в себе некие творческие импульсы и начинают писать стихи или сочинять музыку... Как бы то ни было, ветер с залива приносит какие-то звуки, и чуткая душа способна это улавливать. Недаром Анатолий Найман, секретарь Ахматовой, писал: «Сродни звучанию слов был в небе сосен звук, летевших день и ночь к немолчному прибою...»

Ирина Снеговая, директор музея «Келломяки-Комарово»

Рассказывает координатор исследовательской группы «Старые дачи» Елена Травина.

Мы находимся, пожалуй, в самом романтическом месте поселка Комарово. Именно здесь на прудах Виллы Рено представляешь себя не в Комарово начала XXI века, а в дачной местности Келломяки примерно в 1910 году. Раньше здесь было несколько участков, которые в 1917 году были куплены семьей Рено, владелицей гостиницей «Франция» на Морской улице в Петербурге. Однако они не успели воспользоваться своей покупкой: разразилась революция, и они были вынуждены уехать во Францию.

Но территория оста-

лась, и пруды, и сосны, стоящие вокруг — они напоминают нам о былых временах. Сюда приезжают люди, которые помнили эти места до революции, когда они были маленькими детьми. Например, один из участков, включенных в территорию Виллы Рено, принадлежал Мальвине Эдлер, которая владела в Петербурге частной школой.

В годы первой мировой войны участок и дом Эдлер были отданы под пансионат для детей, которые остались сиротами в военное время, и одна маленькая девочка, став уже пожилой дамой, приезжала сюда в 80-90 годах. Она вспоминала, как жила маленькой девчушкой в этом доме и гуляла на этих прудах.

Такие напоминания, пришедшие через десятилетия, очень ценны для нас, для тех, кто изучает историю поселка Комарово.

Ни один человек, который здесь оказывается, не остается равнодушным к тому, насколько великолепно здесь соединены архитектура и природа. Это совершенно уникальное место, которое больше нигде не повторяется под Петербургом. Финская суровая природа: камни, скалы, сосны, мхи, папоротник и когда-то существовавшие здесь деревянные резные дачи с куполами, шпильками, башенками и обязательно с цветными витражными стеклышками, через которые проходил солнечный свет и отражался на веранде, на мебели в комнате, на лицах тех людей, которые стояли рядом...

Таких домов, к сожалению, осталось очень мало, и, благодаря «пожарной карте» Владимировой 1913 года, мы знаем имена тех людей, кому принадлежали дачи до революции. Кроме того, очень интересные сведения о поселке есть в провинциальном музее города Миккели, в Финляндии, куда были свезены все архивы после 1939 года. Евгений Балашов, который регулярно ездит в Миккели и приводит там большую исследовательскую работу,

привозит оттуда практически бесценные документы: купчие, планы межевания, по которым мы можем отследить, кому принадлежал тот или иной участок.

Таким образом, мы узнаем фамилии все новых и новых людей, мы видим, как участки переходили из рук в руки. Ну, а затем — архивы в Петербурге, «Весь Петербург» издательства Суворинных, знаменитая книга с адресами и телефонами всех тех, кто проживал до революции в городе. Сохранилось и достаточно большое количество писем, которые собирают коллекционеры, и благодаря письмам мы тоже узнаем много нового о жизни дачников. И понемногу вырастают судьбы людей — где они жили, чем занимались...

Сейчас здесь, по сути дела, строительная площадка — идет реставрация. Рабочие возят гравий, пруды перегорожены подобием деревянных шпал, и хотелось бы надеяться, что реставрационные работы будут проведены качественно, с любовью, чтобы люди, которые сюда придут и через пять, и через десять, и через пятнадцать лет — не видели новодела, а представляли себе именно ту жизнь, которая была здесь сто лет назад.

Продолжение следует...